

**ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ:
ДЕРЖАВИН И ПУШКИН**

(Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская»)¹

Некоторые литературоведы считают Державина неким разрушителем поэтических канонов своего времени или необыкновенным поэтом подлинной, повседневной жизни. Такое восприятие обычно основано на сравнении устоявшихся жанровых правил с особенностями державинского творчества или на изучении тем отдельных стихотворений. Однако существуют также другие подходы к литературному творчеству, которые одновременно объединяют и тематические и жанрово-формальные аспекты анализируются в первую очередь пространственно-временные отношения в поэзии, что позволяет рассматривать державинские стихотворения в соотнесенности со всем его творчеством. Подобные подходы также могут служить началом для интерпретации его поэзии в контексте литературы последующего периода, в частности творчества А. С. Пушкина.

Настоящая статья посвящена державинскому стихотворению «Евгению. Жизнь Званская», написанному в 1807 г. В американских исследованиях это произведение недооценено. Д. Святополк-Мирский в его «Истории русской литературы» утверждает, что это изящное стихотворение ценно лишь как биографическое свидетельство о том, как Державин писал о своей жизни в деревенском покое и уединении.²

Американский литературовед П. Гарт пишет в своей монографии «Г. Р. Державин. Развитие дарования одного поэта», что в «Жизни Званской» Державин не достиг тематического единства.³ Однако ни подход Д. Мирского, ни подход П. Гарта не позволяют воспринять динамику самого стихотворения.

¹ Автор приносит благодарность Совету по международным исследованиям и обменов США (International Research and Exchanges Board) за предоставление возможности для работы над данной статьей. Автор также сердечно благодарит Сектор XVIII века ИРЛИ и Музей Державина в Петербурге за поддержку и полезные советы.

² «Его (Державина) свободная, эпикурейская и философски тихая жизнь там (на Званке) описывается бойко и живо в одном из самых прелестных стихотворений его последних лет, „Евгению. Жизнь Званская“ (1807)» («His (Derzhavin's) spacious, epicurean and philosophically quiet life there (at Zvanka) is described with verve in one of the most charming poems of his old age „To Eugene Life at Zvanka“ (1807)») — См. *Mirsky D. S. A History of Russian Literature from its Beginnings to 1800 / Ed. by Francis J. Whitfield* New York: Vintage Books, 1958. P. 50.

³ См. *Hart P. G. R. Derzhavin: A Poet's Progress* Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1978. P. 131.

Мы предлагаем толкование этого произведения, исходя из концепции М. М. Бахтина. В своей очерке «Формы времени и хронотопа в романе» М. М. Бахтин описывает хронотоп как взаимодействие хроноса и топоса, или времени и пространства. Согласно принципам М. М. Бахтина, динамика времени и пространства играет важную роль в определении и отражении не только содержания данного произведения, но и отношения этого произведения к соответствующему жанру вообще. Следовательно, изучение организации времени и пространства внутри данного произведения подчеркивает соотношение между содержанием и формой. М. М. Бахтин пишет: «Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы... В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп».⁴ М. М. Бахтин направляет свою теорию главным образом на изучение прозы, однако его подход можно в равной мере применить и к поэтическому творчеству, и особенно к произведениям Державина.

Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская» представляет собой один из самых ярких примеров идиллического хронотопа. В рамках описания одного дня в Званке Державин изображает всю полноту и разнообразие своей жизни в любимом деревенском имении. На протяжении всего произведения он рассматривает соотношение между внутренними переживаниями поэта и его природным окружением.

Ход действий и мышления в «Жизни Званской» тесно связан с грамматической структурой этого произведения. Господствуют глаголы несовершенного вида в настоящем времени, и таким образом мы получаем представление о том, как проводит поэт типичный день в Званке. В сочетании с местоимениями и наречиями, которые выражают место и время действия (например, местоимение *где* и наречие *иногда*), такие глаголы настоящего времени отражают повторяющиеся или привычные действия. Таким образом Державин описывает то, что обычно происходит у него в гостиниой:

*В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!*

⁴ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 235

*Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дает отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой*⁵

Все действия, описанные Державиным в этих строфах, тесно связаны не только с ранним часом дня, но также с определенным местом, в частности с комнатой. Каждая из семи строф, описывающих события в гостиной, начинается или с местоименного наречия *где*, или с конструкции *в которой*. Таким образом, окружение данного действия не только предопределяет, но и почти затеняет сами действия.

По всему произведению возникает несколько подобных действий, связанных с определенным местом и временем дня: например, подобные глагольные, предложные и наречные конструкции отнесены к столовой, к полям и реке в имении, а также к верхней части дома. Так как эти действия почти полностью повторяют тот же принцип, который излагается в вышеупомянутом примере, нет необходимости перечислять и описывать все эти строфы. Однако можно тщательно проследить одно повторяющееся действие, которое объединяет все стихотворение. Почти каждый раз, когда поэт размышляет о духовном и высоком, он описывает свой физический и духовный подъем. Таким образом, Державин воплощает духовную и отвлеченную идею о времени и пространстве именно в Званке. По всему произведению глагольные приставки *вос-/вс-* и *воз-/вз-*, которые обозначают движение вверх,⁶ однозначно указывают на такое состояние подъема у поэта. Так, проснувшись утром, поэт, «восстав от сна», «взводит на небо скромный взор» и читает молитву благодарности Творцу:

*Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной* (2, 634)

Такое употребление приставок повторяется до середины стихотворения:

*Оттуда прихожу в святилище я муз
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире* (2, 634)

Еще дважды Державин связывает физическое описание своего стремления вверх с «высоким», духовным. Вечером после заката солнца поэт сидит на балконе второго этажа своего дома и предается своему воображению:

⁵ Сочинения Г. Р. Державина, с объяснительными примечаниями Я. К. Грота Пб., 1865. Т. 2. С. 635—636. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. Курсив везде мой. — А. М.
⁶ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 90.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя толпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношу в мечтах умильных, —

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаны
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров повеваньи (2, 642—643)

В то же время, вне рамок «однодневного цикла» в Званке, поэт свободно размышляет о прошедшем, настоящем и будущем. Последние пятнадцать строф, одна четверть всего стихотворения, выражают суть этих размышлений.

В вышеупомянутой монографии «Развитие дарования одного поэта» П. Гарт предполагает, что эти строфы неадекватны и неуместны, потому что они резко меняют течение основной мысли произведения. Он пишет: «Если бы поэт вычеркнул последние 15 строф „Евгению“, оно (т. е. это стихотворение — А. М.) оказалось бы несомненным свидетельством постоянного увлечения стареющего Державина миром чувств... Наибольший из художественных недостатков стихотворения „Евгению“ коренится в невозможности Державина объединить различные мотивы и таким образом ввести новые идеи в свой общий замысел. Заключительное обращение к Евгению — просьба Державина о помощи в поисках бессмертия — разочаровывает и оставляет читателя в недоумении относительно общей идеи стихотворения»⁷

Нет сомнения, что тон этого произведения заметно меняется именно в последних пятнадцати строфах. По объему первых трех четвертей произведения почти все строфы включают в себя глаголы несовершенного вида, спрягаемые в настоящем времени. А потом, когда поэт размышляет о будущем в этой же последней части, строфы в основном включают в себя глаголы совершенного вида в будущем времени и, таким образом, указывают на одноразовые действия, которые производят окончательный результат. Но эти существенные изменения в тональности повествования несколько не нарушают логику стихотворения. Напротив, последние 15 строф поднимают многие вопросы, прямо связанные с темой времени и пространства, и не столь явные в начале стихотворения. Иные грамматические формы подчеркивают структурные особенности первой части стихотворения и выводят их на иной, более высокий уровень. Однако заключительная часть произведения

⁷ «Had the poet omitted the final fifteen stanzas of „To Eugene,” it would stand as an unambiguous testament to the aging Derzhavin’s consistent preoccupation with the world of the senses. The artistic flaw which damages „To Eugene” results from Derzhavin’s consistent inability to integrate his themes and thus produce new insights into his perception of the problem. The concluding appeal to Eugene to assist him in his quest for immortality is so distinctly anticlimactic (sic) as to leave the reader wondering about the poem’s basic purpose» — Hart P. G. R. Derzhavin A Poet’s Progress P. 131

еще тесно связана с предыдущей его частью. И здесь особенно важно, что глаголы, обозначающие движение вверх и вниз, продолжают указывать на реальное и воображаемое перемещение поэта кверху и книзу.

В этой последней части поэт прорицает, как рухнут со временем его дом и сад. Но потом он опять вдохновляется и успокаивается, когда представляет себе, как его друг, митрополит Евгений Болховитинов, с почтительностью посетит знаменитый усадебный холм в Званке:

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, *взойдешь на холм тот страшный,*
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный ()

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласья ()

Ты слышал их, — и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь вслух страннику, вдали, как тихий гром
«Здесь Бога жил певец, Фелицы» (2, 644—645)

В этих строфах связь между физическим и духовным подъемом достигает художественной кульминации. Поэт ограничивает себя рамками дневного цикла, и поэтому собственное место в общей системе мироздания ему неясно. Подобно изображениям циклических повседневных «подъемов» и «падений» поэт в вышеупомянутых строфах изображает бесконечное течение «веселых и мрачных дней» как кружение колеса или прихоти фортуны. Однако, подобно тому как сам поэт покидал «плен» столь милой ему Званской жизни, удаляясь в свой кабинет для поэтических занятий, так и Евгений, взойдя на холм, оказывается в ином временном измерении. Только тогда он избавит от забвения этот дом и сад и утраченную гармонию жизни, которая была здесь при Державине.

Особенности державинского восприятия времени и пространства проявляются еще ярче, если стихотворение «Евгению. Жизнь Званская» рассмотреть в контексте более позднего литературного события. В работе над стихотворением «Осень» (1833) А. С. Пушкин выбрал для эпиграфа следующую строку из «Жизни Званской»: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?». Таким образом, фраза Державина становится исходным пунктом размышлений Пушкина.

Ю. Чумаков представляет содержательный анализ пушкинского стихотворения «Осень» с учетом временно-пространственных и жанровых принципов его структуры.⁸ Однако, хотя

⁸ Чумаков Ю. Н. «Осень» Пушкина в аспекте структуры и жанра // Пушкинский сб. Учен. зап. ЛГПИ им А. И. Герцена Псков, 1972 Т. 483 С. 29—42

его статья указывает на некоторые сходные места в «Жизни Званской» и «Осени», она сосредоточена на пушкинском произведении и анализирует далеко не все стороны данного вопроса по отношению к Державину

Державинское стихотворение утверждает актуальность идиллии и гармонию циклического времени, связанного с определенным местом Пушкинское же произведение перестраивает державинскую идиллию по требованиям художественного времени Начиная с названий и общей структуры, эти два произведения представляют различные подходы к вопросу о времени и пространстве Название державинского стихотворения «Евгению Жизнь Званская» подчеркивает роль пространства или окружения как определителя жизни и течения времени Название пушкинского стихотворения «Осень» указывает только на время года Державинское стихотворение представляет собой завершенное произведение, а пушкинское называется «отрывком» и заканчивается протяженным многоточием в середине первой строки двенадцатой строфы («Плывет, Куда ж нам плыть?»)⁹ В полном соответствии с жанром это произведение-отрывок содержит совсем иную концепцию времени и пространства, чем стихотворение Державина В формальном плане жанр «отрывка» обычно подчеркивает незавершенность действия и мышления, переходы или фрагменты воображения, которые в плане содержания часто отражаются в виде утраты гармонии или рая В частности, можем указать на стихотворение-отрывок английского романтика С Т Колриджа «Кубла Хан» («Kubla Khan») как типичнейший пример такого жанра

Содержание пушкинского стихотворения полностью соответствует требованиям жанра В то время как державинский повествователь восхищается гармоничностью каждого момента жизни в Званке, пушкинский лирический герой говорит о недостатке порядка и гармонии почти во всех временах года Например, лето подавляет его энергию и заставляет его мысленно возвратиться к зиме

Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь! Как поля, мы страждем от засухи
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи

Поминки ей творим мороженым и льдом (III, ч 1 С 319)

Но герой Пушкина находит для себя покой и гармонию именно в грустном и переходном времени — в осени Его особенно вдохновляет «прощальная краса» увядающей Природы

⁹ Пушкин А С Полн собр соч М, Л, 1948 Т III, ч 1 С 321 Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома, части и страницы Курсив везде мой — А М

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,

И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы (III, ч 1 С 320)

Г П. Макогоненко пишет, что творение Пушкина могло бы быть названо «Державину. Жизнь болдинская»¹⁰ И действительно, биографы поэта справедливо утверждают, что Пушкин воспевал в этом стихотворении то необыкновенное вдохновение, которое ему даровала осень именно в Болдинском имении Но характерно, что в стихотворении «Осень» Пушкин не пишет ничего конкретного о жизни в этой усадьбе, как это делает Державин относительно Званки. Пушкин нигде не упоминает Болдино, не описывает дом или свое окружение Его больше занимает изображение одного из времен года и его восприятия самим поэтом.

Тем не менее «Осень» сохраняет одну важнейшую черту державинского стихотворения. В девятой строфе повествователь описывает, как течет день к вечеру, и именно тогда поэт начинает размышлять о важном и высоком — точно так, как поступает повествователь в «Жизни Званской».

Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю (III, ч 1 С 320)

Но после этой строфы пушкинский герой описывает действия и мысли, которые противоположны тем, что описывает Державин в последней части «Жизни Званской». Вместо того чтобы обращаться к своему другу или к Творцу, пушкинский герой «забывает мир» и пытается создать внутренний ритм времени и пространства в своих стихах. «Гости», его посещающие, как и метафорический корабль в конце одиннадцатой строфы, являются только плодами его воображения:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне

И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей (III, ч 1 С 321)

Оказывается, что Пушкин в отличие от Державина видит в поэтическом ритме способ отвлечения от своего реального времени и места. Метафора плывущего корабля и вопрос в конце стихотворения («Куда ж нам плыть?») яснее всего указывают на противоположность его мышления державинскому:

¹⁰ «Тематическая близость „Осени“ к „Жизни Званской“ проявляется в том, что она является как бы описанием „жизни болдинской“» — (Макогоненко Г П Пушкин и Державин // XVIII век Сб 8 Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века» Л, 1969 С 122

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны,
Громада двинулась и рассекает волны

Плывет Куда ж нам плыть?

В одиннадцатой строфе Пушкин пользуется глаголом «дремать», который также звучал уже в эпиграфе из Державина («Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?»). В контексте цитированных выше строк из Пушкина глагол «дремать» подчеркивает здесь представление о недвижимом корабле при мертвом штиле в море. Итак, конец пушкинского стихотворения резко отличается от державинского. Тогда как Державин завершает «Жизнь Званскую» *утверждением* самооценки поэта и своего окружения («Здесь Бога жил певец, Фелицы»), Пушкин-повествователь *отстраняет* действительность от своего поэтического мира и находит гармонию только во времени года и в пространстве, его воображением созданном. А Державин, напротив, с радостью представляет себя именно в Званке и желает, чтобы все всегда отождествляли его с этим местом.

Как свидетельствует последняя строфа «Жизни Званской», в воображении Державина жизнь и история всегда связаны с каким-то конкретным местом и памятью народной сохраняются. Пока люди, подобные Евгению, еще могут «взойти на холм тот страшный» и соединить свои впечатления с увиденным, до той поры ни один человек и никакое событие не забудутся. В мирозерцании и во всем поэтическом творчестве Державина не существует ни места без значения, ни времени без воплощения.